

Му Цинцзя покачал головой, не успев продолжить писать, как услышал слова другой обольстительной женщины:

— Я исполню твоё желание.

Он, хоть и был готов к этому, всё же с трудом мог поверить. Ведь владелицей этого голоса была не кто иная, как та самая лисья демоница, что убила Лю Далана.

В ту ночь, во время хаоса в резиденции Лю, они не смогли схватить её, и теперь, судя по всему, эта лисья демоница была главным зачинщиком событий и, вероятно, одной из сильнейших среди лисьих демонов.

Голос Первой госпожи прозвучал растерянно:

— Что? Кто говорит?

— Я убью их за тебя, — сказала лисья демоница. — Я убью всех с фамилией Лю, и тогда ты и твой ребёнок сможете управлять всем богатством и ресурсами резиденции Лю, не так ли?

— Тогда резиденция Лю станет нашей... — голос Первой госпожи звучал отречённо. — Я сплю? Неужели Бессмертная Лиса действительно существует...

— Конечно, существует, — недовольно ответил обольстительный голос. — Но я не работаю бесплатно. Слушай, когда ты возьмёшь контроль над резиденцией Лю, ты должна будешь восстановить храм Бессмертной Лисы, проводить ежемесячные ритуалы и ежегодно приносить в жертву живого человека с целой душой. Поняла?

К этому времени голос Первой госпожи уже вернул себе спокойствие.

— Я поняла, — сказала она.

— Хорошо, ты умная женщина, — засмеялась лисья демоница. — Я исполню твоё желание, а ты выполнишь нашу сделку. Помни, я найду тебя.

Едва эти слова прозвучали, как в ладони Му Цинцзя засиял зелёный свет. Слои штукатурки на стенах начали осыпаться, обнажая деревянные панели. Мох и грибы, питаясь от дерева, начали буйно расти, быстро взбираясь к дренажным отверстиям и пробираясь через них.

С другой стороны раздались испуганные крики и ругательства, звучащие как мужские, женские, детские голоса, словно на большом собрании.

После звука когтей, царапающих каменный пол, нечто, покрытое мхом и грибами, было вытолкнуто из отверстия. Оно цеплялось за пол когтями, но всё же было вытолкнуто наружу.

Му Цинцзя действовал быстро и ловко, одной рукой нарисовав в воздухе Талисман оков, и существо с двумя когтями было плотно обмотано лианами.

— Мать твою метлу! — существо раскрыло круглый клюв, крича изо всех сил. — Ублюдок!

— Вонючая баба!

— Кроличий дед!

— Отпустите меня, чёрт побери!

Из крошечного клюва птицы раздавались голоса разных людей, звучавшие громко и даже оглушительно.

Те голоса, которые не могли появиться в подземелье, исходили именно из этого клюва.

— Цыплёнок? — Хо Лун был настолько удивлён, что не мог закрыть рот. — Неужели это просто цыплёнок устраивает весь этот спектакль?

Птица была размером с ладонь, с серыми перьями, только клюв и хвост были ярко-красными, а хвостовые перья, если присмотреться, были немного облезлыми.

У птицы была короткая шея, маленькие крылья, и она была довольно пухлой, так что неудивительно, что Хо Лун назвал её цыплёнком.

«Цыплёнку» это явно не понравилось, и он продолжал копировать чужие слова:

— Кто, чёрт возьми, такой цыплёнок?

— Цыплёнок тоже может взлететь на дерево и стать фениксом!

[Это Гуаньгуань.] — Му Цинцзя скрестил руки, наблюдая за птицей.

— Гуаньгуань? — с удивлением повторил Хо Лун.

Услышав, что кто-то узнал её имя, птица по имени Гуаньгуань тут же втянула шею, и ругательства стали тише.

Хо Лун недавно начал практиковать воздержание от пищи и с тех пор, как прибыл в резиденцию Лю, не ел ни одного полноценного приёма пищи. Теперь, глядя на эту жирную птицу, его живот заурчал, и он почувствовал странный голод.

Он глупо спросил:

— Она вкусная?

Му Цинцзя на мгновение замер, а затем улыбнулся ещё шире:

[Редкий деликатес. Я могу приготовить её на пару, в соусе или на гриле.]

Хо Лун сглотнул слюну, поддаваясь настроению.

Гуаньгуань чуть не описалась от страха.

Подтвердив свои догадки, настроение Му Цинцзя резко улучшилось, и он даже забыл о своих старых и новых обидах на эту маленькую птицу.

На самом деле, узнав о белой лисе и о том, что это место было лисьим поселением, он начал сомневаться, была ли эта гора легендарной Горой Зелёных Холмов, а белая лиса — легендарной девятихвостой лисой.

Старый деревенский староста упоминал Янчжоу и реку Ин, а в детстве Му Цинцзя нашёл природный краситель под названием цинхуо, и всё это, казалось, совпадало с древними записями: «Гора Зелёных Холмов, на южной стороне которой много нефрита, а на северной — цинхуо», «Река Ин берёт начало здесь».

Однако, поскольку в его воспоминаниях белая лиса всегда была с одним хвостом, Му Цинцзя не мог быть уверен.

До тех пор, пока не появился этот Гуаньгуань, обязательный атрибут Горы Зелёных Холмов.

Гуаньгуань умеет имитировать звуки, особенно любит копировать бурные ссоры, и когда ей скучно, она развлекает себя, разыгрывая сцены ссор, повторяя всё, что когда-либо слышала.

Тот крупномасштабный спектакль, который она устроила, был тем, что она где-то услышала и выучила.

Услышав, как Хо Лун сглотнул слюну, Гуаньгуань дрожащим голосом симитировала:

— Это слишком противно, фу!

— Отвратительно, отвратительно.

— Противно!

Когда слышишь только голоса, не видя их источника, они кажутся таинственными и жуткими, но когда Гуаньгуань стоит перед ними и кричит, это выглядит совершенно комично.

Хо Лун рассмеялся, держась за живот от смеха.

Му Цинцзя присел, одной рукой схватил Гуаньгуань за маленькие крылья и голову, сделав привычное движение для забоя курицы.

Гуаньгуань отчаянно била лапками, выкрикивая кучу трусливых слов. Среди голосов были и детские, и старческие, и в конце прозвучал низкий хриплый мужской голос.

— Это всё моя вина.

Движение Му Цинцзя замерло, и Гуаньгуань, подумав, что это сработало, тут же повторила несколько раз.

— Это всё моя вина.

— Это всё моя вина.

Хриплый низкий голос разносился по туннелю.

Голос был слишком характерным, и даже Хо Лун, стоящий рядом, узнал его:

— ...Это же тот сердитый бессмертный друг?

Му Цинцзя молчал.

Гуаньгуань поняла, что этот голос, вероятно, связан с ними, и начала лихорадочно вспоминать, вываливая кучу слов.

В отличие от предыдущего голоса, полного отчаяния и сожаления, на этот раз голос был моложе и чище, наполненный надеждой на будущее.

Но всё это были голоса Хо Вэя.

— Когда младшая сестра подрастёт, мы передадим ей Гору Гаоту, а сами уединимся здесь, чтобы жить свободной жизнью.

Его голос был спокойным, но в нём скрывалась лёгкая улыбка.

— Когда-нибудь, когда мы состаримся и умрём, мы будем похоронены в этой горе, вместе.

— Весной, когда пойдёт дождь, на твоей могиле расцветут красивые полевые цветы, и я стану бабочкой, порхающей над ними.

После этих слов в пещере воцарилась тишина. Му Цинцзя держал куриные крылья, слегка дрожа.

Хо Лун нарушил эту тонкую атмосферу.

— Не ожидал, что тот, кто выглядит так... на самом деле романтик. — Он почесал затылок, немного смущённо.

Му Цинцзя всё ещё не двигался.

Это была его родина. Хо Вэй был вторым учеником в школе, а Шуй Цзинчжэ — третьей. Называть её младшей сестрой могли только он сам и Хо Вэй.

Те слова Хо Вэй сказал ему, своему старшему брату.

С его упрямым характером он смог преодолеть свою гордость и произнести такие слова, что говорило об их бывшей братской близости.

Сейчас Хо Вэй всегда был резок с ним, часто подшучивал и насмехался, но их братская связь была настолько глубокой.

Настолько глубокой, что Му Цинцзя даже почувствовал неловкость.

Разве он, как старший брат, сделал что-то, что заслуживало бы такой преданности, чтобы младший брат хотел провести с ним всю жизнь в уединении и даже ухаживать за ним в старости?

Он усмехнулся, чувствуя, как его сердце согревается и смягчается, будто варится в тёплой воде.

Такой младший брат, как он, разве мог быть тем, кто, по словам Гу Сяо, причинил ему вред?

Му Цинцзя погладил голову Гуаньгуань в знак благодарности.

Несмотря на свою радость, Му Цинцзя чувствовал некую мистическую связь во всём этом. Казалось, что всё это было случайностью, но в то же время казалось, что это должно было произойти.

Появление Гуаньгуань словно завершило цикл, сохранив давно потерянные воспоминания, чтобы он, потерявший память, мог открыть их своими руками.

Как бочка вина, запечатанная до начала войны, пережившая долгую зиму и открытая вновь, когда цветут османтусы.

Всё ещё ароматное.

Одна только мысль о том, что его вспыльчивый младший брат мог быть таким братски преданным, стоила того, чтобы Му Цинцзя хранил это в памяти всю жизнь.

Когда Хо Вэй снова накричит на него, он сможет использовать эти слова, чтобы смутить младшего брата, и это, возможно, даст неожиданный эффект. Он злорадно усмехнулся.

Гуаньгуань, измученная борьбой, уже обмякла, изображая мёртвую, когда вдруг заметила, что тот каменный двуногий зверь, долго не двигавшийся, снова начал действовать.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16250/1461307>